

УДК 1:62

DOI: 10.17223/1998863X/49/5

А.Ю. Нестеров, А.И. Демина

КАТЕГОРИИ «ЗНАЧЕНИЕ» И «ИЗОБРЕТЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ СЕМИОТИКИ ТЕХНИКИ¹

Обобщены результаты, полученные авторским коллективом при работе над проектом по исследованию семиотических оснований техники и технического сознания, представленные в докладах конференций 2017–2018 гг. Предметом анализа является переход от рецептивного семиозиса к проективному, фиксируемый в философии техники через понятие «изобретение» и влекущий создание «нового». Интерпретируются классические работы по философии техники П.К. Энгельмейера и Ф. Дессауэра, анализируется концепция изобретения И.И. Лапина, общей методологией выступает трансцендентальная семиотика, как она отображена в работах А.Ю. Нестерова.

Ключевые слова: философия техники, проективный семиозис, проблема нового, изобретение, значение.

Техническая деятельность человека является одним из наиболее доступных предметов философского рассуждения, стремящегося с максимальной ясностью продемонстрировать неснимаемую сложность своего категориального аппарата, показать произвольность тех или иных метафизических допущений, необходимый характер полученных выводов. В настоящем рассуждении мы обращаем внимание на категории «значение» и «изобретение», как они могут быть показаны средствами семиотики на примере аналитической философии техники [1–3].

В истории семиотики вопрос о «значении» задается определением знака и вида деятельности, в котором участвует знак (вида семиозиса). Знак есть то, посредством чего учитывается некоторая отличная от него сущность, – это функциональное определение, выработанное во «всеобщей характеристике» XVII–XVIII вв. Знаком того или иного рода является любая сущность, фиксируемая человеком как существующая, познаваемая, ценностная и т.п. Знак, во-первых, понимается или познается, во-вторых, создается, выражается или производится. Семиозис, таким образом, делится на рецептивный и проективный. Для первого характерно представление о понимании как о переходе от знака к учитываемой посредством него сущности, т.е. к значению. Такое определение понимания встречается уже у Августина [4. Гл. 1]. Для второго характерно представление о выражении как об учете некоторой сущности посредством того или иного знака и о понимании как о создании или воссоздании сущности, учитываемой посредством знака. Одним из первых представление о проективном семиозисе ясно сформулировал М. Мерсенн в XVII в. [5. С. 191].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-00-00760 КОМФИ.

Значение как учитываемая посредством знака сущность создается в акте понимания / познания. Этот тезис, фиксирующий положение дел в проективном семиозисе, ведет к ряду онтологических проблем, требующих если не решения, то хотя бы учета: как возможна коммуникация, если каждый из участников создает «свои» значения? как возможно познание, если значения принадлежат индивиду как таковому (проблема солипсизма)? как именно создаются новые сущности? XX в. показал, что попытки поставить эти вопросы в традиционном рецептивном смысле не приводят к новым результатам даже при учете новейших научных данных, существенно расширяющих границы познаваемого. Реализм и конструктивизм, подменив собой эмпиризм и рационализм, по-прежнему не способны к синтезу и, взятые в себе, находятся одинаково далеко от решения этих вопросов. Аргументы, сводящиеся к отсутствию у кого-либо доступа к «реальности», к констатации «равнозначности» множества «объективно существующих миров» или же к тезисам о всеобщности «законов природы» и о «единстве мира», ничего не приобретают и не теряют, даже будучи повторенными в рецептивном ключе в терминах квантовой механики или нейробиологии.

В первой половине XX в., в том числе под влиянием Ч.С. Пирса и Э. Маха, формируется философия техники как новая отрасль философского знания, в которой сугубо эмпиристские или сугубо постмодернистские подходы лишены смысла. П.К. Энгельмейер представил эту отрасль как раздел общей теории творчества, той части рефлексивного познания, в которой ставятся вопросы о «новом», «изобретении», механизмах его возникновения и формах существования. Именно философия техники позволяет поставить вопрос о синтезе реализма и конструктивизма в контексте трансцендентально-семиотического подхода, исходящего, с одной стороны, из многообразия объективно и реально существующих правил, с другой стороны, из представления об иерархическом (*Stufung und Schichtung*) характере сознания, обеспечивающего рецептивное и проективное взаимодействие этих правил в процессе жизни.

Техника, если под ней понимать «всякое целесообразное обращение наружу» [6. С. 90], ставит вполне ясную философскую проблему: что такое новое? как оно возможно? До тех пор, пока сфера «нового» исторически ограничивалась художественным творчеством в условиях естественной природы, ею можно было пренебрегать, однако в условиях второй и третьей «природы», когда технические объекты функционируют в сверхфизических областях рассудка и претендуют на управление рефлексивными процессами человеческой деятельности, такого рода пренебрежение недопустимо. Реалистская позиция в технике заключается в том, что «новое» есть особое царство («четвертое царство» Ф. Дессауэра [7. Гл. 2]) предустановленных форм решений, мир технических идей, открывающийся человеку соразмерно его потребностям и знаниям. Конструктивистская позиция здесь заключается в том, что все изобретения человек делает «из самого себя», человек сам производит новое.

Семиотическое представление техники учитывает и платонистскую доктрину о «потенциальном космосе», содержащем все возможные решения всех корректно поставленных задач, и конструктивистское представление об активности индивидуального сознания, создающего объекты в актах познания,

понимания и творчества. П.К. Энгельмейер представляет творческую деятельность в виде «трехакта», осуществляющегося во всех сферах, где создается что-либо новое. По сути, он формулирует неокантианскую версию проективной деятельности трансцендентального субъекта, берущую начало в разуме (фантазии, рефлексии), продолжающуюся путем рассудочного оформления (языкового выражения, конструкции) и завершающуюся созданием чувственно воспринимаемого объекта (артефакта, исполнения).

Работа сознания в акте рецепции начинается с чувственного восприятия, продолжается языковым оформлением и завершается рациональной рефлексией. Акт проекции обращает эту последовательность. Семиотическое выражение подобного трансценденталистского подхода подразумевает семиотический характер каждой из ступеней познания или творчества, т.е. наличие знаковых средств, выраженных некоторым материальным субстратом, наличие навыков означивания или интерпретант, наличие синтаксических и семантических правил. Следовательно, «новое» необходимо связано с тем или иным компонентом семиотического четырехугольника на ступени разума, рассудка или чувственного восприятия и подразумевает ту или иную проблематизацию конкретного компонента.

Само понятие «нового» в общем случае определяется через отрицание или через сдвиг границы познаваемого, мыслимого, возможного: новое есть то, что количественно и / или качественно трансформирует опыт (опыт как совокупность мышления, памяти и воображения) индивида в конкретном отрезке времени. Как правило, в философии техники количественную трансформацию опыта связывают с понятием открытия, а качественную – с понятием изобретения. Однако серьезный анализ приводит к формуле, согласно которой «открытие есть изобретение мысли, отвечающей определенным требованиям» [8. С. 133], «в основе всякого открытия, если оно не есть случайная находка, лежит новое изобретение мысли, конструкция нового научного понятия» [9. С. 31].

Изобретение – предмет философии техники и, шире, философии творчества. Ф. Дессауэр, обобщая в 1958 г. свои длившиеся в течение без малого полвека исследования техники, пишет, что изобретение – это «исток техники», «здесь техника является сама собой, не столь сильно перемешана и затемнена другими факторами человеческого общества» [7. С. 95]. Изобретение – это проявление ключевого свойства человека, способности творить: «Источник технических новообразований точно так же кроется в... напряжении между жизнью, воспринимаемой в качестве несовершенной, и созерцанием возможных усовершенствований. Всякий момент времени определяется попыткой приведения существующего, того, что есть, к тому, чем оно должно быть или могло бы быть. Так пробуждается и поддерживается в пробужденном состоянии латентная творческая сила» [Там же. С. 98]. В качестве иллюстрации ситуации, побуждающей к изобретению, Ф. Дессауэр приводит сюжет о Робинзоне [Там же. С. 84–85; С. 185]: в условиях противостояния одиночки первобытной природе человек реализует себя как техник-изобретатель, и лишь с появлением Пятницы возникают разделение труда и обмен результатами труда, т.е. экономика. Это рассуждение показательно в свете споров рубежа XIX–XX вв. о применимости к человеку дарвинистской модели эволюции: человек не приспосабливается к окружающей среде, он

приспосабливает окружающую среду под свои нужды. Исходной формой такого активного приспособления естественной среды под свои нужды, т.е. объективирующей технической деятельности, и является изобретение. Эту мысль высказывают как неокантианцы в терминах философии культуры [10], так и П.К. Энгельмейер, создавая первую в истории позитивистскую систему творчества в философии техники. Следствие этого рассуждения выражено в прагматистском (и марксистском) понимании человека: человек – творческое существо, он не ограничивается достижением истинностного знания о мире, но применяет это знание для изменения мира.

Процесс осуществления изобретения описывается в терминах теории познания и теории деятельности и определяется тем, каким образом формы, ступени и структуры процесса познания оказываются задействованными в проективной – творческой и технической – деятельности, возникающей посредством изобретения. Ф. Дессауэр выделяет три аспекта человеческой деятельности, являющихся условием возможности творчества: *homo investigator*, *homo inventor*, *homo faber*. Человек исследует, конструирует и воплощает. Во взаимодействии исследования, конструирования и воплощения исполняются цели деятельности, соединяются сферы возможного (потенциального) и действительного (актуального) миров. Точки соединения – изобретенные артефакты, исполняющие технические задачи согласно человеческим целям [7. Гл. 2].

П.К. Энгельмейер более чем за 20 лет до выхода первой монографии Ф. Дессауэра о технике сформулировал общие основания творческой технической деятельности, назвав их «трехактом»: «В первом акте изобретение предлагается, во втором доказывается, в третьем осуществляется. В конце первого акта это – гипотеза; в конце второго – представление; в конце третьего – явление. Первый акт определяет его телеологически, второй – логически, третий – фактически. Первый акт дает замысел, второй план, третий – поступок» [8. С. 103]. Практически одновременно с Ч.С. Пирсом он ставит вопрос о проективной, объективирующей деятельности как таковой на фоне рецептивных, субъективирующих процессов познания. Собственно изобретение – это то, что делает человек при переходе от познания к деятельности, «скачок через логическую пропасть» [Там же. С. 8]. Механизм изобретения – это пересборка состава опыта, т.е. системная трансформация опыта, не вытекающая из самого опыта: в акте изобретения «прежний опыт распадается на составные части и из них тут же составляется новое сочетание» [Там же. С. 39]. Дефиниция изобретения звучит так: «Это искусственный предмет, действие и мысль... имеющие значение орудия» [Там же. С. 57]. Очевидно, что неявный фон рассуждений П.К. Энгельмейера задается не только работами Э. Маха с анализом «мысленного эксперимента» на фоне чувственных данных, но и критической теорией Г. Когена, А. Введенского и др.: концепция трехакта есть, в сущности, обращение трехступенчатого трансценденталистского представления об акте познания, состоящего из чувственного восприятия, рассудка и разума. Техника и творчество есть изменение направления семиозиса познания, творческий семиозис задается разумом (как средой фантазии, воображения, рефлексии, целеполагания), осмысливается рассудочными схемами и завершается чувственно воспринимаемым артефактом, выполненным соразмерно законам природы. Изобретение – это создание нового (на языке

семиотики – создание нового знака), условием возможности изобретения является переход от субъективации к объективации, т.е. «интуиция», или «откровение» [8. С. 60]. О значимости философских находок П.К. Энгельмейера говорит тот факт, что действующее определение изобретения в законодательстве РФ построено в его модели: «Изобретение представляет собой новое и обладающее определенными отличиями от других техническое решение, направленное на решение определенной задачи (получение конечного продукта или реализацию особого процесса) в любой сфере человеческой деятельности, предполагающее некий положительный эффект» [11].

Важные для определения содержания «изобретения» результаты получил И.И. Лапшин, развивая и конкретизируя в рамках критической философии теорию творчества П.К. Энгельмейера. И.И. Лапшин в рассуждении о «научных фантазмах» [9. С. 103–107] на несколько десятков лет опережает популярную формулировку гипотетико-дедуктивного метода К.Р. Поппером и стремится описать изобретение в виде логического вывода, т.е. в качестве того нового суждения, что возникает в результате умозаключения: «Всякое научное изобретение есть вывод с одной или двумя синтетическими посылками и, следовательно, с синтетическим умозаключением. Большая посылка выражает момент непрерывного накопления. Это то ранее приобретенное знание, которое находится в распоряжении памяти и рассудка ученого. Меньшая посылка выражает момент изобретательности или, как выражается Кант, способности суждения. Заключение есть синтетический вывод разума из двух процессов – непрерывного накопления знания рассудком и прерывного – догадки, силы суждения» [Там же. С. 138–139]. И.И. Лапшин, если сопоставлять его рассуждения с работами П.К. Энгельмейера и Ф. Дессауэра, уделяет большее внимание психологическому описанию изобретения, нежели техническим примерам, рассуждает в первую очередь об изобретении в деятельности философской рефлексии, называя его «самым поздним плодом человеческой культуры» [Там же. С. 161]. Исторически человек научается изобретать артефакты в сфере чувственного восприятия (орудия труда), затем в сфере рассудка (языки), и после этого – артефакты в сфере рефлексии. Философские изобретения – это афоризм, диалог и система [Там же. С. 163–164]. Обоснование исторически позднего характера философского изобретения, данное И.И. Лапшиным, позволяет видеть в неокантианстве системное обоснование логики и направления технического развития, развертывания «мировой силы» техники в виде перехода от естественной природы к искусственной природе второго и третьего порядков: если естественные механизмы человеческой рефлексии осознаются в последнюю очередь (и по сей день интуиция и догадка часто описываются в виде сверхрационального озарения или мистического откровения), то и техническому преобразению они оказываются подвержены в последнюю очередь. Технический прогресс на первом шаге охватывает области чувственного восприятия (в пределах теории органопоекции), на втором – области рассудка (в виде формализации процессов мышления: теория мышления как исчисления, неархимедовы машины и т.п.), на третьем – области разума (формализация абдуктивного вывода).

Исключительной ценностью для понимания психической основы изобретательской деятельности обладают рассуждения И.И. Лапшина об интуиции, равно как и о трех принципиальных точках зрения на основания теории изоб-

ретения. Об интуиции, понимаемой в качестве сверхрациональной формы познания, он высказывается весьма радикально: «Не существует никакой творческой интуиции как особого творческого акта, который не разлагался бы без остатка на... переживания чуткости (т.е. памяти на чувства ценности или значимости известных образов, мыслей или движений), пронизательности (т.е. умения пользоваться теми же чувствами ценности в комбинационной работе воображения, мышления и двигательных процессов) и чувства целостной концепции (т.е. опять же способности учуять по эмоциональным подголоскам сродство между собою образов, мыслей или движений, организуемых нами в направлении известной конечной цели)» [9. С. 219]. Это существенный шаг в конкретизации понимания интуиции как акта пересборки имеющегося у изобретателя до акта изобретения опыта. Подобное разложение понятия интуиции позволяет, например, в контексте общей семиотики проанализировать интуицию в виде набора прагматических правил, комплексная реализация которых порождает новый знак. Принципиальные точки зрения на изобретение И.И. Лапшин делит на мистическую, рациональную и эмпирическую [Там же. С. 310–311]. Это вполне традиционный для кантианца ход, позволяющий (с полным правом) сформулировать критическую теорию в виде инструмента преодоления неразрешимых для каждой отдельно взятой модели противоречий. Следует добавить, что благодаря усилиям Э. Кассирера критическая теория была сформулирована как общая теория знаков, или семиотика, в рамках которой можно и нужно дать системное представление изобретения для каждого из уровней познания.

Анализ истории понятия изобретения, даже фрагментарный и неполный, позволяет увидеть в техническом объекте, возникающем в результате акта изобретения, прагматистское решение проблемы значения, невозможное вне привлечения трансцендентально-семиотического подхода. Рассуждение строится следующим образом. В проективной деятельности субъект последовательно исполняет: 1) семантическое правило рационального семиозиса; 2) семантическое правило рассудочного семиозиса; 3) семантическое правило семиозиса чувственного восприятия. На первом шаге новое возникает как новое соотношение мыслимого и немислимого, новый порядок расположения мыслей, новые мысли (новые гипотезы, фантазмы), новый субстрат рефлексии; на втором шаге – как новое соотношение выразимого и невыразимого в языке, новый порядок расположения знаков (предложений и текстов на том или ином языке), новое обозначение, новый субстрат языкового выражения (например, программирование); на третьем шаге – как новое соотношение возможного и невозможного, новые правила деятельности (законы природы), новые объекты чувственного восприятия (артефакты), новые субстраты объективирующей деятельности (например, создание артефактов в микромире).

Значение как исполнение семантического правила проективного семиозиса – это: 1) продукт рефлексии в виде «фантасма» в смысле И.И. Лапшина, «теории» в смысле К.Р. Поппера или «идеи» в смысле актуальных моделей инновационной цифровой экономики; 2) продукт выражения в виде конструируемого языком языкового обозначения; 3) продукт сообразного законам природы технического исполнения в виде конкретного артефакта, технического объекта. Анализ процессов создания значений в творческой техниче-

ской деятельности позволяет с большей полнотой увидеть сложность процесса изобретения как сдвига границ мыслимого / немислимого, выразимого / невыразимого и возможного / невозможного и учесть ее в практических рекомендациях субъектам, участвующим в процессах технической, экономической, образовательной деятельности.

Техника как таковая, если следовать определению Ф. Дессауэра, является узкой областью проективного материального осуществления форм рассудка в субстрате физического мира, доступного чувственному восприятию. Эту область можно обозначить как область технического семиозиса, где синтаксические правила фиксируют способы преобразования рассудочных схем в объекты и процедуры физического мира, прагматические правила показывают применение так определенного синтаксиса в рамках доступного конкретному субъекту запаса знаний, навыков и умений, семантические правила показывают воплощенные в физическом мире технические объекты как значения и технические среды – как системы значений.

Таким образом, мы можем сформулировать определение категорий изобретения и значения в проективном семиозисе техники. «Значением» в контексте философии техники является исполнение семантического правила в семиозисе разумной, рассудочной и физической деятельности человека. «Изобретением» является трансформация правила образования и / или преобразования знаков, возникающая в результате изменения прагматического правила, задающего направление семиозиса, и влекущая новое значение.

Такое определение «значения» позволяет в общем смысле классифицировать проективный семиозис по признаку полноты: например, полным технический объект является тогда, когда включает в себя значения всех доступных слоев семиозиса, т.е. реализуется как понятие, предмет и наблюдаемый объект, неполным – когда в нем невозможно исполнение семантического правила уровня чувственного восприятия и / или рассудочной деятельности. Подобная классификация важна при различении, например, эстетического, художественного и технического объектов.

Определение «изобретения» позволяет ясно увидеть «уровень развития» того или иного субъекта семиозиса посредством фиксации уровня, на котором происходит изменение направления семиозиса, и определения суммы осуществленных трансформаций синтаксических правил данного уровня, влекущих те или иные исполнения. В общем случае это следствие значимо для антропологии и истории, позволяя получить, например, количественные характеристики исторического субъекта или же количественные основания для деления субъектов на «рутину», «талант» и «гений» в смысле И. Канта и П.К. Энгельмейера [8. С. 159–177].

Литература

1. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара, 2017.
2. Нестеров А.Ю. «Исполнение» в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 111–118.
3. Нестеров А.Ю. «Изобретение» в университете 3.0 и 4.0 // Перспективные информационные технологии (ПИТ 2018) : международная научно-техническая конференция. 2018. С. 1376–1381.
4. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.

5. Рополь Г. Техника как противоположность природы // *Философия техники в ФРГ*. М., 1989.
6. Энгельмейер П.К. *Философия техники*. СПб., 2013.
7. Дессаур Ф. *Спор о технике*. Самара, 2017.
8. Энгельмейер П.К. *Теория творчества*. М., 2010.
9. Лапшин И.И. *Философия изобретения и изобретение в философии : введение в историю философии*. М., 1999.
10. Дмитриева Н.А. *Русское неокантианство : «Марбург» в России : историко-философские очерки*. М., 2007.
11. *Право интеллектуальной собственности. Общие положения* / Н.А. Новосёлова (общ. ред.). Т. 1 // Информационная система «КонсультантПлюс».

Alexandr Yu. Nesterov, Samara National Research University (Samara, Russian Federation).

E-mail: phil@ssau.ru, aynesterow@yandex.ru

Anna I. Demina, Samara National Research University (Samara, Russian Federation).

E-mail: phil@ssau.ru, ademina83@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 49. pp. 42–50.

DOI: 10.17223/1998863X/49/5

THE CATEGORIES “MEANING” AND “INVENTION” IN THE CONTEXT OF THE SEMIOTICS OF TECHNOLOGY

Keywords: philosophy of technology; projective semiosis; problem of the new; invention; meaning.

The article summarizes the results obtained by the team of authors when working on a project on the study of semiotic foundations of technology and technical consciousness presented in the reports of the conferences in 2017–18. The notion of meaning is considered in the context of general semiotics as the fulfillment of the semantic rule of semiosis. Semiosis itself is divided into receptive and projective; receptive semiosis is referred to as “cognition”, projective semiosis as “technology”. The subject of analysis is the transition from receptive semiosis to projective one, fixed in the philosophy of technology through the concept of “invention” and entailing the creation of the “new”. The authors interpret classical works on the philosophy of technology of Peter K. Engelmeyer and Friedrich Dessauer, the concept of invention of Ivan I. Lapshin. The general methodology is transcendental semiotics as reflected in the works of Alexandr Yu. Nesterov. The reasoning is constructed as follows. In the projective activity, the subject consistently performs (1) the semantic rule of semiosis in intellect [intellectus, Vernunft], (2) the semantic rule of semiosis in reason [ratio, Verstand], (3) the semantic rule of semiosis in sensory perception. At the first step, the “new” arises as a new ratio of the imaginable and unthinkable, the new order of the arrangement of thoughts, new thoughts (new hypotheses, phantasms), a new substratum of reflection; at the second step, it arises as a new expression of the expressible and the ineffable in the language, a new order of the arrangement of signs (sentences and texts in one or another language), a new designation, a new substratum of linguistic expression (for example, programming); at the third step, as a new relationship between the possible and the impossible, new rules of activity (laws of nature), new objects of sensory perception (artifacts), new substrata for objectifying activity (for example, creating artifacts in the microworld). The result of the work is formulated in the form of definitions: “meaning” in the context of the philosophy of technology is the consistent fulfillment of the semantic rule in the semiosis of the intellectual, rational and physical activity of man, “invention” is the transformation of the rule of formation and/or the transformation of signs resulting from a change in the pragmatic rule direction of semiosis and entailing a new meaning.

References

1. Nesterov, A.Yu. (2017) *Semioticheskie osnovaniya tekhniki i tekhnicheskogo soznaniya* [Semiotic foundations of technology and technical consciousness]. Samara: [s.n.].
2. Nesterov, A.Yu. (2018) “Execution” in the Semiotics of Technology. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 13(3). pp. 111–118. (In Russian). DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-111-118
3. Nesterov, A.Yu. (2018) [“Invention” at the University 3.0 and 4.0]. *Perspektivnye informatsionnye tekhnologii (PIT 2018)* [Advanced Information Technologies (ITT 2018)]. Proc. of the International Conference. Moscow. pp. 1376–1381. (In Russian).

4. Kuznetsov, V.G. (1991) *Germenevtika i gumanitarnoe poznanie* [Hermeneutics and humanitarian knowledge]. Moscow: Moscow State University.
5. Ropol, G. (1989) Tekhnika kak protivopozlozhnost' prirody [Technology as the opposite of nature]. In: Arzakanyan, Ts.G. & Gorokhov, V.G. (eds) *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of Technology in Germany]. Translated from English and German. Moscow: Progress.
6. Jengelmejer, P.K. (2013) *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of Technology]. Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].
7. Dessauer, F. (2017) *Spor o tekhnike* [Philosophy of Technology]. Translated from German by A.Yu. Nesterov. Samara: Samara Academy for the Humanities.
8. Jengelmejer, P.K. (2010) *Teoriya tvorchestva* [Theory of Creativity]. Translated from German. Moscow: Librokom.
9. Lapshin, I.I. (1999) *Filosofiya izobreteniya i izobretenie v filosofii: Vvedenie v istoriyu filosofii* [Philosophy of invention and invention in philosophy: Introduction to the history of philosophy]. Moscow: Respublika.
10. Dmitrieva, N.A. (2007) *Russkoe neokantianstvo: "Marburg" v Rossii: Istoriko-filosofskie ocherki* [Russian Neo-Kantianism: Marburg in Russia: Historical and Philosophical Essays]. Moscow: Rosspen.
11. Novoselova, N.A. (ed.) (n.d.) *Pravo intellektual'noy sobstvennosti. Obshchie polozheniya* [Intellectual Property Law. General Provisions]. Vol. 1. [Online] Available from: Konsultant Plus.